

1 2 ИЮН 1950

ЛИТЕРАТУРА И КУЛЬТУРА
Г. МОСКВА

не возрастет ли еще сильнее роль советской семьи как первичной ячейки нашего общества? Ведь именно в семье формируются с детства характеры, проходят зачатки и проверку на прочность. Не могут и не должны быть у передовых людей разные характеры — один для работы, другой для дома.

Нет ли в массовом желании видеть «вторые серии», продолжения книг, узнать, что дальше делает Василий Теркин или Иван Бровкин, стремления узнать, как полюбившиеся герои решают и другие вопросы, которые перед ними ставит жизнь, как они строят семью? Правда, создатели Бровкина предпочли во второй серии показать продолжение тех же неурядиц героя, только в новой обстановке. Герой застыл, как маска, и уже ничего нового не открыл зрителю.

Но подавляющее большинство произведений заканчивается или свадьбой или согласием на нее. А зритель хочет видеть и то, как будут строить совместную жизнь герои. Видимо, то, что считалось раньше достаточным, превратилось в штамп, потому что отстало от запросов жизни. А если обращаются к жизни семьи, то показывают ее только в момент распада, распада, повторяя извечную схему прогрессивной западной литературы — распад буржуазной семьи. Не важнее ли для читателя тема становления семьи?

Теперь все больше условия жизни советской семьи позволяют ее членам переходить на коммунистические формы общения: развитие общественного питания, интернаты для детей, улучшение жилищных условий, сокращающийся рабочий день, пенсионное обеспечение постаревших членов семьи — разве все это не снимает с плеч работников множество забот, не высвобождает время для самообразования, развития творческих способностей?

(Окончание на 3-й стр.)

лены все достижения советских людей? К созданию новых условий для жизни нового человека, освобожденного от пережитков прошлого — стяжательства, индивидуализма и прочих свойств, которые придется оставить у порога в коммунистическое общество.

А поскольку порог уже близок, то и закономерно возникновение этого замечательного движения, вызванного жизнью.

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Однако надо оговориться, что друзья человека — книга, экран, сцена — еще не ответили участникам этого замечательного движения на многие важнейшие вопросы.

Ведь не случайно почти все участники соревнований за право называться бригадами коммунистического труда смело берут на себя обязательства по труду, не смущаются и определяют задачи образовательные, но останавливаются в раздумье, как конкретизировать свое желание: жить по-коммунистически.

Нет ли в этом отражения какой-то общей ошибки нашей литературы, какого-то ее коллективного просчета?

И в этой связи возникает вопрос: не мало ли у нас положительных примеров? Не слишком ли много катастрофических и трудных случаев, не завершаются ли наши произведения с поспешностью, когда, казалось, преодолев главные препятствия, и должен бы раскрываться положительный опыт их героев?

Ведь среди существенных отличий этого нового движения есть и то, что в него входят люди, трудящиеся вместе, но живущие раздельно, не в общежитиях, а в своих семьях. А сейчас, когда поставлена задача дать каждой семье отдельную квартиру,

БУДУЩЕЕ ЗОВЕТ

Н. КЛАДО

сказы, пьесы, кинофильмы, публицистично, прямо ставили эти вопросы перед молодежью, подсказывали ей пути. Правда, не всегда верные... И книги заблуждались подобно людям...

Однако первые субботники и движение ударных бригад Стаханова, Изотова, тимуровцев, Черкасовой и многих, многих других — все это было различными подступами к главному, прояснение далее неоглядных, еще не проверенных на ощупь, сквозь утреннее марево, при занимающемся свете зари.

И в каждом из этих движений были крупницы того, что сегодня расцветает, раскрывается в движении бригад коммунистического труда. То, что раньше казалось далю, сегодня стало былью, жизнью, условиями жизни многих людей. Это явление несет в себе и развитие всех тех форм прошлых, и уже легендарных, романтических товариществ людей, торпильных будущее.

И, конечно, рождение бригад коммунистического труда отчасти подготовлено и нашей литературой. Это она воспитывала высокую мораль советских людей, возвышала и открывала их запросы, будучи в этом деле прямым помощником партии и государства. Нет возможности перечислить все те произведения, кото-

рые как бы готовили это движение, ратуя за нового человека, богатого идейно и душевно, овладевшего всеми сокровищами мировой культуры, за человека высокой морали, мастера своей профессии, передового создателя новой жизни.

Только недавно выдающийся советский художник Александр Петрович Довженко в своем замечательном сценарии фильма «Поэма о море» показал, как колхозник Зарудный хорошо понимает, во имя чего наши люди шли на жертвы, создавая самое передовое, первое в мире социалистическое государство.

Вот его, Зарудного, страстная речь: «Я трех сынов потерял под Берлином, братьев Катерины. Для чего? Чтобы ты, благополучный негодяй, цвет мой потоптал? Откуда ты? Из каких щелей прошлого ползешь ты в коммунизм? Красавец с мозгом инженера и совестью клопа. Ненавижу!»

Невольно вспоминается неувдаемая комедия Владимира Маяковского «Клоп». Ведь и она вызвана протестом поэта против того, что люди «тащат» в будущее свои будто бы мелкие пороки...

Действительно, к чему направ-

О ЛУЧШЕМ, светлом человечество мечтало веками. Причем, в этих мечтах и древних греков, и китайцев, и славян, и европейских утопистов не раз счастливое будущее человечества предстало в некоей форме коллективного совместного существования. Мечтали о всевозможных братствах, обществах, коммунах, «государствах солнца» и т. п.

Но пока люди надеялись только на святой дух, мечты, при всей их заманчивости, не обретали реальности — им противостоял страшный мир стяжательства, социального неравенства, бедности и несправедливости.

Только марксистское учение как бы проявило, нашло точку фокуса, дающую наибольшую резкость видения реальных путей. Человечество в эту подзорную трубу, обращенную, нацеленную вдаль, увидело реальные очертания будущего.

С первых же лет победы революции возникали одна за другой различные формы, выражающие законное стремление людей, изголодавшихся в капиталистической пустыне, начать жить по-коммунистически. Вспомните первую коммуну питерских рабочих «Первороссийск», боевая и трудная история которой так ярко воссоздана Ольгой Берггольц.

Это суровое время запечатлено талантливо во многих книгах, и до сегодняшнего дня страницы донесли неповторимый аромат и обаяние первых поисков форм коллективной жизни. Стихи, рас-

БУДУЩЕЕ ЗОВЕТ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Как важно с самого начала не разронять, не разменять на мелочи эти драгоценные, а бы назвал «коммунистические», дни и часы! Чем их занять? Раскройте, мастера литературы и искусства, несметные богатства мира, которыми можно и нужно овладеть. Ведь все в нашей стране — наше!

И поскольку все это уже не только даль, но и быть, запечатленная не живописцем, а даже строгим искусством фотографа, писателю сегодня легче писать о будущем.

Литература, хотя и не называя, отразила волны, породившие это движение, чем помогла ему возникнуть. И пока будут написаны достойные полотна о его бытии, нельзя обойти и этих первых свидетелей. Надо увидеть и отметить все то, даже пусть и небольшое, что в нашем искусстве и литературе непосредственно выражает эту тему, хотя и не называя это движение своим полным гордым именем.

НА РУБЕЖЕ вступления в семилетку молодой писатель Николай Дементьев, привлёкший внимание читателей своей первой повестью «Мои дороги», опубликовал новую повесть «Иду в жизнь» (журнал «Звезда», №№ 11—12 за 1958 г.).

Мало интересного в первой части повести, где подробно рассказывается о детстве и школьных годах «Инги-стиль» — испорченной, своенравной девочки, которая с трудом вырывается из-под влияния своей матери-стяжательницы. Да и написана, на мой взгляд, эта первая часть очень слабо: молодой автор перечислил свои изобразительные возможности и не справился с трудной задачей ведения повествования от имени девочки.

Но вот Инга попадает на завод. И здесь Н. Дементьев оку-

нулся в свою стихию: все больше он сбивается с рассказа Инги на прямое изображение происходящего, да и у нее появляется человечность и совсем иные, ранее и неприметные склонности — покровительство окрашивается и личным восприятием. Я далек от того, чтобы считать эту часть безупречной, но мне хотелось бы, не отвлекаясь на критику частностей и промахов, отметить то ценное, важное и определяющее, что и побуждает меня настоятельно рекомендовать ее прочесть.

Бригада монтажников во главе с Григорием Ивановым — это не просто дружная группа людей, объединенных общей целью в труде.

Они ревностно относятся к поведению членов своей бригады в быту, во время отдыха, везде вне работы: стоит Инге пройти в буфет с плохой компанией, как ее вытаскивают оттуда. Когда у Веры не ладятся отношения с Кругловым, она, не колеблясь, приходит в бригаду, зная, что ей помогут. И, действительно, члены бригады помогают слабохарактерному Круглову выйти из-под дурного влияния. Когда Круглов в ответ на упреки пытается оградить свою личную жизнь от вмешательства, то бригадир спрашивает: «...скажи мне честно, по-свойски: можешь ты за это время вспомнить хоть один случай, когда бы мы отнеслись к тебе плохо?.. или хотя бы нам было наплевать на тебя?» И Круглов вынужден признать: «Нет, этого не было».

«Нам никогда не было наплевать на тебя!» — вот что дает право бригаде вмешиваться в личную жизнь каждого из ее членов.

Спаянные крепкой дружбой, они и на работе показывают всем пример. Бригада держит первенство на заводе, берет на себя основные сложнейшие работы и одновременно настойчиво и

тактично борется за высокую мораль. Все интересуются литературой, музыкой, живописью, все учатся.

Словом, в буднях этой бригады заметен именно тот опыт, который я привел, говоря о соревновании за право называться бригадой коммунистического труда. Пусть это слово еще не произнесено Николаем Дементьевым вслух, но он увидел в жизни рождение этого движения и написал, конечно же, о нем... Эта повесть многим сможет помочь лучше понять, как же это происходит в жизни... Первые минуты запечатлены.

Думается, что и киносценарист Григорий Колтунов, написавший на основании дневниковых записей советских моряков В. Калинина и Д. Кузнецова сценарий «Чрезвычайное происшествие» (фильм поставлен режиссером В. Ивченко на Киевской студии), своеобразно нащупывает ту же тему.

Трагедия пленения чанкайшистами танкера «Туапсе» послужила основой для создания этого бесспорно лучшего из наших приключенческих фильмов. Почему же после столь многих и огорчительных неудач в этом нужном жанре — столь радостное явление? Потому что авторы фильма основное внимание нацелили не на события, а на характеры советских людей.

Авторы смело завязывают действие: обычное плавание, на судне идет собрание, моряки обсуждают некрасивый поступок помощника капитана. И вот один из моряков — Фролов — призывает разобраться не только в этом инциденте, но и в том, что многим еще мешает стать полноценными членами коллектива. И он перечисляет: один из них жаден, другой блудлив, третий склонен выпить, четвертый увлекается заграничной мишурой, пятый резок и несдержан и т. д. Многие недоумевают: к чему этот разговор — ведь это все мелочи, частная жизнь...

Но в этот момент танкер захватывают чанкайшисы. К ним падает и протокол собрания. Палачи используют его сведения для воздействия на слабые стороны характеров советских моряков. Так в фильме показывается, как важно человеку всегда быть на высоте, как могут ему в решающий момент помешать и эти мелкие недостатки.

Разговор о том, что надо жить по-коммунистически, только начался на танкере, и неожиданные, чрезвычайные происшествия наглядно показали, какой это важный был разговор!

К сожалению, авторы фильма, нащупав главное в современной борьбе за полноценного советского человека, недостаточно последовательно провели эту мысль: так, совершивший бесчеловечный поступок легко остается патриотом, иногда ради эффекта авторы вводят эпизоды, в которых им изменяет художественный вкус.

Художественный вкус! Не случайно так много на XXI съезде КПСС говорили о необходимости эстетического воспитания, воспитания высокого художественного вкуса. Это — один из пунктов обязательств многих бригад коммунистического труда. Помочь выработать художественный вкус могут и должны искусство и литература. Как же готовят они к этому наших людей?

В ОДНОМ из лучших последних фильмов о нашей современности — «Высота» (сценарий М. Папавы по роману Е. Во-

робьева, реж. А. Зархи, студия «Мосфильм») есть такая сцена.

Николай Пасечник заходит к понравившейся ему девушке Кате. Та, желая понравиться Николаю, напяливает на себя разноцветные модные одежды. Но, увидев разряженную Катю, Пасечник не может сдержать себя и обрушивается на ее странный, чужеродный наряд, назвав его образом «Южная Америка».

Пестрокрылый попугай выглядит естественно среди тропической природы, но он чужой на родной березке. Эстетика и труд совпадают у Пасечника в едином национальном облике. Он неприимирим в этом вопросе даже по отношению к любимой девушке.

Но, к сожалению, как ни странно, на экранах появляется немало картин, режиссеры которых как бы спорят с Пасечником, с его художественным вкусом. Пышно расцветает та самая «Южная Америка», против которой он протестовал.

В фильме «Матрос с «Кометы»» внешний облик героя (артист Глеб Романов), его поведение, манера геть, обращение с иностранными гостями — все это напоминает скорее представителей «золотой молодежи», с которой ведут борьбу комсомол и общественность.

В «Девушке с гитарой» героине не дают покоя четыре завитых перманентом молодых человека (с каких-то пор перманент стал главным признаком мужской красоты!). Единственная цель таких героев — выделиться из толпы при помощи портнихи, что динтует и своеобразную, условную манеру игры: все ходят, пританцовывая, вместо естественной мимики — ужимки, гримасы.

Однако подобные раскрашенные, пестрые фигуры с косматыми прическами, неестественной манерой игры, фальшь чувств в стремлении преуспеть, выдвинуться за счет других гуляют по экрану не только в комедиях.

Вся эта доморощенная «Южная Америка» (посмотрите, как скромна Лолита Торрес в «Возрасте любви») — ревизия советского вкуса. И этот «ревизионизм» калечит вкусы многих молодых людей нашей Родины, тем самым мешал им жить по-коммунистически, задерживая на пути к коммунизму.

И говоря о том, как наша литература и искусство могут и должны помочь в соревновании бригад на право называться коммунистическими, нельзя обойти вопрос и воспитания высокого эстетического вкуса. Пошлость вредна, вредна вдвойне — это микроб, который хотя и не разит сразу, но медленно точит и портит хороших людей.

ХУДОЖНИКИ, правильно чувствующие пульс жизни, не проходят и не пройдут мимо замечательного движения коммунистических бригад. Как многообразны сами эти бригады, так еще более многообразны и различные формы активного участия литературы и искусства в борьбе наших современников за право жить по-коммунистически. Тут можно проникнуть во многие поры жизни, многое открыть. И люди, освобождаемая от тяжести труда, все больше будут тянуться к книгам и зрелищам. Фигура творца духовной культуры становится все более важной, ее роль в жизни народа — значительнее.

Жизнь по-коммунистически становится уже явью, а не далью. Уже сегодня писатель может в нашей жизни увидеть то, что раскроют перед читателями светлые дали.

Это была нашей жизни, за которой идет еще более светлая, но уже ясная, осязаемая, зримая даль.